

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2010 г. В.Б. ГУЛИДА, Н.Б. ВАХТИН

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА:
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ**

В обзоре критически рассмотрены основные положения петербургской социалингвистики в историческом освещении.

Как известно, социалингвистика рождалась дважды. Первое ее рождение произошло в России в первое десятилетие после революции 1917 года, когда плеяда блестящих ученых: Б.А. Ларин, Л.П. Якубинский, А.М. Селищев, Е.Д. Поливанов, В.М. Жирмунский – реагируя на постреволюционные изменения в языковой ситуации больших городов и судьбе русского литературного языка и отвечая на требование момента в лингвистическом обеспечении малых бесписьменных языков, начали создавать социально ориентированную лингвистику. Их исследования во многом базировались на идеях И.А. Бодуэна де Куртене, прямыми учениками которого некоторые из них были. Второй раз эта наука родилась в США в начале 1960-х годов, где она получила стимул к развитию в результате одновременного действия трех факторов: взрывного роста этнического самосознания черного населения; неудач американской системы образования, которая оказалась неспособной адекватно ответить на вопрос о причинах низкой успеваемости афро-американцев, и как реакция на принципиальную асоциальность и «технизм» хомскианской лингвистики.

Сочетание «петербургская социалингвистика» звучит для нас сегодня странно. Действительно, эта область языкознания в Ленинграде-Петербурге после 1920-х годов практически не развивалась. Из работ «советского периода» можно, наверное, назвать только статьи по изучению языка города Б.А. Ларина [Ларин 1928; 1931] и отчасти исследования В.М. Жирмунского (см., например [Жирмунский 1968]), который, занимаясь немецкими диалектами на территории СССР, не мог не обратить внимание на социалингвистические аспекты темы. Его последователем считал себя А.И. Домашнев, много писавший о вариантах немецкого языка в Европе (см., например [Домашнев 2003]); соавторами и учениками последнего были С.В. Смирницкая, Л.Э. Найдич, Л.Б. Копчук и другие. С оговорками сюда же можно отнести работы В.А. Аврорина [Аврорин 1975], который, впрочем, главный свой социалингвистический проект осуществил, работая в Новосибирске [Вахтин 2001: 89–93].

Возрождение социалингвистики (и лингвистики в целом) в нашей стране после 25 лет безраздельного господства марризма началось с конца 1950-х годов не в Ленинграде, а в Москве. В 1960-е годы работы М.В. Панова и его группы, в 1970-е – Л.П. Крысина и его группы, в 1980–1990-е – исследования М.В. Дьячкова, В.И. Беликова, О.А. Казакевич и других во многом определили облик этой науки в России. В 1960–70-е годы именно здесь

были написаны «главные книги» по социалингвистике¹ (хотя некоторые из них и печатались в Ленинграде). Сегодня эту традицию продолжает отдел социалингвистики Института языкознания РАН, которым в течение многих лет руководит В.Ю. Михальченко.

Можно было бы много говорить о судьбах московской социалингвистики в 1990-е годы и позже, однако тема нашего обзора другая – что происходило в этой области в последние два десятилетия в Петербурге и что происходит здесь сегодня?²

1. ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Насколько нам известно, самыми ранними из новых работ по социалингвистике стала серия публикаций группы сотрудников петербургского Института лингвистических исследований РАН (тогда – Ленинградского отделения Института языкознания). Эти работы были своего рода побочным продуктом полевых экспедиций по описанию грамматики и лексики языков народов Севера: параллельно со сбором лингвистического материала лингвисты собирали и социалингвистические данные. Задачей проекта было исследование языковой ситуации в районах Крайнего Севера с преимущественным вниманием к степени владения титульными языками. Для сбора данных была разработана специальная методика, основанная на принципе экспертной оценки. Было обследовано 13 поселков в разных регионах Крайнего Севера, в которых в двуязычных или многоязычных коллективах совместно с приезжим русскоязычным населением проживают алеуты, ительмены, коряки, ненцы, нивхи, удэгейцы, чукчи, эвены, эскимосы, юкагиры и якуты. Основная часть данных была собрана с 1984 по 1987 год³.

Это исследование наглядно продемонстрировало два факта: во-первых, что наши знания даже о такой сравнительно узкой области, как языковая ситуация в районах Крайнего Севера, абсолютно недостаточны; во-вторых, что совершенно недостаточна вузовская подготовка в области социалингвистики. В ходе этого исследования, проводившегося с большим увлечением, на голом энтузиазме и с попутным изобретением многочисленных деревянных велосипедов, его участникам стало ясно, что систематических знаний по социалингвистике им категорически не хватает.

Поэтому с появлением в 1996 году в Петербурге Европейского университета двое участников проекта, Е.В. Головки и Н.Б. Вахтин, начали читать там курс по социалингвистике. Первые два-три года курс читался исключительно по западным учебникам, прежде всего по превосходному, выдержавшему десяток переизданий двухтомнику Р. Фейзолда [Fasold 1984; 1990], кембриджскому учебнику Р. Хадсона, также переиздававшемуся раз десять между 1980 и 1990 годами [Hudson 1980], и некоторым другим.

Курс менялся, совершенствовался, и постепенно авторам его стало ясно, что пора писать собственный учебник – см. [Вахтин, Головки 2004]. (Впрочем, первый современный учебник по социалингвистике вышел все-таки в Москве [Беликов, Крысин 2001].) На момент издания учебник Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки довольно точно соответствовал курсу, который они же читали на факультете этнологии Европейского университета; за прошедшие с тех пор пять лет курс существенно видоизменился, разделился на несколько частей, и на повестке дня теперь стоит вопрос о новом издании учебника.

¹ «Главные книги» у каждого, естественно, свои: если говорить о социалингвистической литературе по-русски 1960–70-х годов, то для авторов данного обзора это прежде всего: [РЯ 1968; 1974; Швейцер 1971; Розенцвейг 1972; НЛ 1972; 1975; СП 1975; СЛИ 1976; Никольский 1976; Крысин 1977; Швейцер, Никольский 1978] и некоторые другие.

² Авторы признательны К.С. Федоровой за внимательное прочтение первого варианта этого обзора и высказанные ценные замечания.

³ Подробное изложение результатов этой работы, а также все библиографические ссылки на публикации участников проекта см. в книге: [Вахтин 2001], а также в более ранней статье [Вахтин 1992].

В настоящее время в Европейском университете социалингвистика читается систематически: единый курс разделен на несколько более узких авторских курсов: «Введение в социалингвистику» и «Макросоциалингвистика» (Н.Б. Вахтин и К.С. Федорова), «Вариационная социалингвистика» (К.С. Федорова), «Лингвистическая антропология» и «Язык и власть» (Е.В. Головки), «Язык и этничность» (Е.В. Головки и С.А. Штырков).

Несколько позже регулярное преподавание социалингвистики было введено на кафедре общего языкознания факультета филологии и искусств СПбГУ в качестве третьей (в дополнение к структурной лингвистике и психолингвистике) части базового курса для студентов отделения теории языка. Помимо регулярного курса (В.Б. Гулида), ориентированного на разъяснение различий в подходах, методах и концептуализации материала в социо- и структурной лингвистике и по необходимости ограниченного макросоциалингвистической и вариационной проблематикой, студентам отделения читается курс этнолингвистики (Е.В. Перехвальская), спецкурсы по теории языковых контактов (А.Ю. Русаков), методам социалингвистических полевых исследований (Н.Б. Вахтин), норме и узусу (Ф.А. Елоева) и др. С переходом отделения на двухступенчатую систему образования специальная часть социалингвистики перемещается в программу магистратуры с естественным для такого шага расширением и углублением указанных дисциплин, а также введением нескольких новых: статистика (Т.И. Свищунова), социалингвистические модели речевого поведения (В.Б. Гулида), спецкурсы «Язык и идеология» и «Отношение к языку» (Е.В. Головки), спецкурс «Язык и культура» (Е.В. Перехвальская) и другие. С 2003 года появляется спрос на регулярные курсы социалингвистики и для других университетских подразделений (Восточный факультет, Отделение межкультурной коммуникации, Специализация по речевым технологиям, курсы для слушателей ФПК). На магистерскую программу по социалингвистике приходят русисты, выпускники славянского и угро-финского отделений, приезжают бакалавры из других российских городов.

Начинают выходить обзоры западных исследований по социалингвистике, например, подробный обзор двухтомной антологии под ред. Н. Купланда и А. Яворски (1997, второй том – 1999), которая используется как базовый материал для курсов социалингвистики во многих британских университетах; см. [Гулида 2000; 2007; Gulida 2006; 2010].

Важную роль в популяризации социалингвистики сыграл общегородской семинар, организованный совместными усилиями Европейского университета и кафедры теории языка филфака СПбГУ. Семинар работает с 2001 года, на нем выступают как известные специалисты, так и молодые исследователи. Последнее важно: семинар дает возможность аспирантам, работающим над диссертациями, обсудить в неформальной и заинтересованной аудитории свои исследования, представить части работы, выслушать критику и советы.

Значимым этапом становления и популяризации социалингвистики стали две Летние школы, проведенные Европейским университетом в 2006 и 2007 году (грант фонда Оксфорд-Россия). Популярность идеи превзошла все ожидания: на 20 вакансий первой Школы организаторы получили 176 (!) заявлений от молодых филологов со всей страны. В результате для обучения были отобраны 22 человека – молодые преподаватели вузов из Читы, Петрозаводска, Саратова, Ставрополя, Томска, Москвы, Кирова, Екатеринбурга, Перми, а также из двух университетов Украины и двух – Эстонии.

Преподавателями на этих Школах были В.М. Алпатов (Москва), Бенедикт Андерсен и Лесли Милрой (Великобритания), Дитер Штерн (Германия), Анна Вершик и Март Раннут (Эстония), а также петербургские специалисты В.Б. Гулида, Е.В. Перехвальская, К.С. Федорова, И.В. Утехин, Е.В. Головки и Н.Б. Вахтин. Важным компонентом обеих Школ стали презентации конкретных исследований аспирантов Европейского университета и кафедры теории языка СПбГУ (В. Баранова, Н. Бичурина, Т. Гаврилова, Н. Галеткина, И. Лисковец, М. Маршак, Е. Панова), как завершенных, так и находящихся-

ся в процессе работы: для молодых лингвистов со всей страны было полезно познакомиться с методикой и теоретической базой современной социалингвистики не только через лекции, но и на практических примерах недавно завершенных или находящихся в процессе работ. На второй Школе участники представили и обсудили уже собственные исследовательские проекты, а также социалингвистические курсы, которые они подготовили для студентов своих вузов.

Таким образом, можно сказать, что за прошедшие 10–15 лет в Петербурге произошло некоторое институциональное укрепление социалингвистики: она вошла в учебные программы многих вузов как отдельный предмет и начинает привлекать молодежь.

2. ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Укорененность социалингвистики в социальных проблемах своего времени – родовая черта этого направления науки, которая была характерна и для ранних российских исследований 1920-х годов, и для американских работ 1960-х. Тематика социалингвистических исследований в Петербурге, довольно разнообразная, также в значительной степени определяется реакцией на актуальные жизненные сюжеты. Кроме того, эта область лингвистики, как и любая наука, стимулируется внутренней логикой развития, которая для социалингвистики, в частности, имеет вид множественного тестирования принципиальных (иногда объявленных универсальными) моделей сопряжения социальных факторов и языковых рефлексов.

С точки зрения формата исследований, их тематики, методов и теоретических подходов петербургская социалингвистика в значительной степени старается сегодня ориентироваться на стандарты, принятые в мировой науке. Среди работ современных петербургских социалингвистов, среди защищаемых здесь магистерских и кандидатских диссертаций мы находим такие темы, как языковой сдвиг и креолистика, отношение к языку и этноязыковые стереотипы, (само)идентификация через язык, билингвизм и переключение кодов, языковая ситуация в новых государствах постсоветского пространства, вариационная модель языковых изменений, социальные варианты языка и языковые регистры, а также социалингвистика речевого поведения.

Нужно отметить, что, поскольку эти области исследований в Петербурге (и в России в целом) довольно молодые, значительная доля работ, упоминаемых ниже – это студенческие и аспирантские исследования, магистерские и кандидатские диссертации; мы пока не можем похвастаться большим количеством серьезных монографий, однако большой интерес молодых исследователей к этой проблематике дает основания для оптимистических прогнозов в отношении развития социалингвистики в ближайшие десятилетия.

Рассмотрим эти сюжеты последовательно⁴.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В 1990-х годах во всех странах бывшего СССР произошли значимые изменения языковой ситуации: титульные языки бывших республик обрели статус и функции национальных (государственных, официальных) языков (в Российской Федерации аналогичный процесс – на следующем уровне – проходил в некоторых субъектах федерации). Соответственно, сферы функционирования русского языка в новых госу-

⁴ Данный обзор по необходимости представляет собой «моментальную фотографию» непрерывного процесса и тем самым неизбежно неполон: авторы приняли решение не упоминать многочисленные и часто очень интересные исследования, которые пока что не завершены, несмотря на то, что к моменту выхода этой публикации в свет ситуация неизбежно изменится. Единственное исключение сделано для книги [Федорова (ред.), в печати].

дарствах были существенно сужены – прежде всего в административной, судебной, общественно-политической областях, в государственно регулируемой части культурной жизни, а также в образовании, определяющем судьбу нетитульного языка. Эти перемены – закономерный процесс, но столь же закономерны негативные реакции русскоязычного населения этих стран, получившего статус языкового меньшинства во всех странах, кроме Белоруссии.

Объективный и взвешенный анализ языковой ситуации, научная обоснованность языкового законодательства и соответствие его европейским стандартам в отношении прав миноритарных языков были и остаются актуальными для большинства постсоветских стран. Можно только согласиться с украинским коллегой Т. Кияком [Кіяк 2004], когда он сетует на неостребованность профессионального экспертного мнения теми, кто определяет языковую политику страны⁵.

Как показывают исследования текущей языковой ситуации и мотивации речевого поведения в Киеве и Харькове, Киевской и Харьковской областях [Вахтин, Жиронкина, Романова 2006; Жиронкина 2007], отношение к украинскому языку изменяется в положительную сторону, но присутствует и разрыв между языковыми установками и речевой практикой, особенно заметный у молодежи: высказываясь за полный переход на украинский язык, молодежь продолжает говорить между собой по-русски. И это понятно: не следует недооценивать силу инерционности языковых привычек. Кроме того, русский язык сохраняет высокий престиж в областях, связанных с культурой, новыми технологиями и всем «модным», что оказывается важным для молодежи.

В Белоруссии, после недолгого периода активного введения белорусского языка во все соответствующие статусу национального языка сферы, а также перевода 75 % школ на белорусский язык, языковая политика в 1994 году развернулась в обратном направлении: русскому был придан статус второго государственного языка. Сегодня столица Белоруссии Минск – преимущественно русскоязычный город, городские и поселковые школы опять стали русскоязычными, и только в трети сельских районов еще учат детей по-белорусски. Исследование, проведенное И.В. Лисковец [Лисковец 2006], показало, что языковой репертуар вариантов в Белоруссии представляет собой континуум, где на крайних точках шкалы находятся русский литературный язык, престижный в обществе в целом, и белорусский язык, престижный для части национально-ориентированной интеллигенции; между ними расположены два лингвистически различимых варианта русского языка с большей или меньшей степенью белорусской интерференции и социально непрестижный смешанный вариант – «трасянка». Эти пять вариантов отчетливо различаются жителями Минска и имеют однозначные характеристики по шкале престижности. См. также [Лисковец 2002].

ЯЗЫК И (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИИ

В 2001 году по инициативе Ф.А. Елоевой и Е.В. Перехвальской для студентов кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ была организована постоянная экспедиция. Эта экспедиция работает девятый год; из нее понемногу вырастает довольно подробное исследование состояния «малых балканских языков» в Приазовье и Запорожской области на Украине. Еще во времена Екатерины Великой в эти районы были переселены жители части албанских, болгарских, греческих и греко-татарских сел из Крыма и с Балкан. Пока села существовали достаточно изолированно, их жители продолжали говорить на своих родных языках, но с конца

⁵ Впрочем, это проблема не только государств «постсоветского пространства»: ср. интересную статью [Laforest 1999], где автор сетует на упорное нежелание канадской широкой публики (в которую несомненно входят и политики) воспринимать рациональные, научные аргументы и доводы, касающиеся языковой ситуации в Квебеке: широкая публика способна воспринимать только эмоциональные аргументы в терминах «хорошо-плохо» или, как формулирует автор, «в рамках дискурса выживания, угрозы, распада и чистоты».

1930-х годов языковая ситуация начала меняться: социально-экономические процессы привели к появлению смешанных сел, а затем и смешанных семей. К середине 1930-х годов изменилась и национальная и языковая политика в отношении малых языков, проводившаяся советским государством в первое послереволюционное десятилетие. Многие села пошли по пути языкового сдвига, то есть полной или частичной замены титульного языка на русский, причем с очень большими различиями в скорости продвижения по этому пути. В одних селах на родном языке говорят почти все взрослые и многие дети; в других – дети уже не говорят, и среднее поколение владеет языком лишь пассивно⁶.

На этом материале подготовлены две кандидатские диссертации: В.В. Барановой [Баранова 2005] о лингвистических аспектах сравнительной этнической и языковой самоидентификации румеев – грекоязычных греков, и урумов – татароязычных греков, и К.В. Викторовой [Викторова 2006] о языковой ситуации в греческих селах и лингвистических признаках языкового сдвига в румейском языке мариупольских греков. В обеих работах использован, кроме традиционных лингвистических, и метод социолингвистического интервью, что позволило показать неоднозначность и изменчивость категории этнической принадлежности и роль языка как одного из маркеров этничности. См. также [Баранова 2006; Викторова 2007].

На базе этой экспедиции были сделаны интересные студенческие работы: [Бичурин, Романова 2006] об отношении к языку и своей идентичности в албанских селах, [Решетник, Воробьева 2009] – в болгарских. Из трех болгарских сел Запорожской области в одном все перешли на русский язык, а в двух других, напротив, те, кто приезжали в село, сами выучивали болгарский. Замеры пассивной языковой компетенции также выявляют большую вариативность. Нынешнее состояние и перспективы утраты или сохранения этих языков представляет собой тугой узел социолингвистических проблем: последствия советской языковой политики и языковой политики нынешней Украины, этническое и языковое самосознание этих групп, влияние языка «метрополии» – греческого из Греции, албанского из Албании, болгарского из Болгарии, которое стало ощутимым для этих «островных диалектов» в последние 10–15 лет⁷.

По материалам девяти экспедиций в области компактного проживания приазовских греков готовится монография, в которую войдут описания лингвистических особенностей островных диалектов балканских языков и анализ социолингвистических ситуаций в этих речевых сообществах.

Изучение «языковых диаспор» не ограничивается Приазовьем и Запорожьем. Интересный совместный проект по исследованию латышской диаспоры в Сибири приняли отделение балтистики филфака СПбГУ и Латвийский университет [Андронов, Лейкума 2006]⁸.

За сто лет жизни в Сибири латышские переселенцы пережили и благожелательное отношение властей (в 1920-е годы), и репрессии (в конце 1930-х), и долгий период безразличия. Этнолингвистическая экспедиция 2004 года в Красноярский край положила начало целенаправленному лингвистическому и этнографическому исследованию латышского и латгальского языков и продолжалась три года. Как показали эти исследования, жители деревень и хуторов, выросших на месте освоенных латышскими крестьянами участков земли, которые правительство выделяло им в конце XIX века, еще сохраняют родной язык и фольклор, хотя ситуация в целом может быть описана в рамках теории языкового сдвига. В селе Нижняя Буланка (одном из нескольких, где

⁶ Разработка проблематики языкового сдвига в Петербурге началась не в последнюю очередь под влиянием книги Н.Б. Вахтина [Вахтин 2001]; эту книгу студенты и аспиранты, выезжающие на полевую работу, используют как пособие. Еще одним исследованием, подтолкнувшим исследование в этом направлении, может считаться опубликованный в 2007 году сборник [ЯИ 2007], целиком посвященный теории и практике описания процессов, происходящих в языке в условиях языковой аттриции – постепенного забвения языка его носителями.

⁷ См. подробнее: <http://www.genling.nw.ru/Ethnolin/ethnosite/situation.htm>

⁸ См. также www.genling.nw.ru/baltist/balticru.htm

работал отряд под руководством А.В. Андропова), сотню лет назад еще зажиточном, с населением в тысячу человек, сейчас осталось 100 жителей, продолжающих общаться в быту по-латышски.

Настоящее открытие выпало на долю отряда под руководством проф. Л. Лейкума (Латвийский университет), обнаружившего в Красноярском крае латгальские поселения, о которых ничего не было известно ни в Латвии, ни где-либо еще. Выяснилось, что до сих пор сохраняются деревни, где население прекрасно говорит на латгальском, причем региональные особенности диалектов метрополии, к которым восходят нынешние латгальские идиомы, легко опознаются на слух. С Латвией в этих селах связь давно утрачена: сибирские латгальцы считают свой идиом самостоятельным языком, но ничего не знают о своих корнях.

Языковое, этническое и культурное (само)определение сообществ со сложной историей является интересным полем для исследования в современном мире, в котором повсеместно растет сложность самоидентификации человека. Одному из таких сообществ посвящена книга [Вахтин, Головкин, Швайцер 2004] – исследование истории и самосознания потомков русских переселенцев, осевших в северо-восточной Сибири в XVIII–XIX веках. Из разговоров исследователей со старожилами вырастает картина формирования этнического самосознания у человека, который не имеет четкого знания об этничности, но вынужден «приписать» себя к той или иной этнической группе под влиянием контактов с другими людьми, с властями или просто с разнообразными жизненными обстоятельствами. Методы, которые авторы используют для описания этой проблематики, лежат в русле «социального конструктивизма» – эмпирического (дискурсивного) подхода к исследованию социальной категоризации, принятого сегодня в целом ряде гуманитарных наук. Начинающие исследователи, студенты и аспиранты успешно и увлеченно применяют этот подход к исследованию материала других регионов и других этнических групп.

Впрочем, для того чтобы заниматься исследованиями подобного типа, не обязательно ездить в Приазовье, в Сибирь или на Чукотку: несколько лет назад группа исследователей под руководством Ю.А. Клейнера и Н.Д. Светозаровой [Клейнер, Светозарова 2006] записывали интервью с последними носителями идиша в Петербурге. Этот язык (как и языки сибирских старожилов) сохраняет свою идентификационную функцию, несмотря на почти полную утрату языковой «материи».

ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКУ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Как всякий большой современный город со всеми его проблемами, культурными и языковыми, Петербург сталкивается с реальностью националистических и ксенофобских взглядов. Одно из самых чувствительных мест проявления ксенофобии по отношению к иноязычным и инокультурным жителям города – школа. Основываясь на современных американских методиках, Е.А. Панова [Панова 2006] изучала отношение петербургских учителей к иноэтничным ученикам, главным образом детям из семей «лиц кавказской национальности». Автору удалось описать – через ситуацию в школьном классе – объективную картину социальных отношений между коренными петербуржцами и приезжими, учителями и детьми, в которой сложным образом переплетаются осознанные отношения, полусознанные стереотипы и неосознаваемые мотивы поведения. Один из наиболее интересных – и неожиданно оптимистичных – выводов работы состоит в том, что реальное отношение петербургских учителей к конкретному «иноэтничному» ребенку значительно лучше их же стереотипных взглядов на «нерусских». См. также [Панова 2005; 2008; Панова, Федорова 2006].

Еще одна «горячая» тема – отношение общества к английским заимствованиям в русский язык и его жаргонизация. В.Е. Семенов и Е.Е. Юрков [2004] провели опрос на большой выборке респондентов – 1200 студентов, молодых рабочих, журналистов и профессиональных преподавателей со стажем – об оценке ими этих двух явлений.

По результатам опроса все молодые люди, независимо от рода занятий и профессиональной занятости (в отличие от критически настроенного старшего поколения), не выказали особой озабоченности распространением заимствований и жаргонизмов в повседневной речи, но обе возрастные группы совпали в требованиях «соответствующего» языка в устах профессиональных журналистов в публичной речи. Возможно, это свидетельствует о том, что опасения об «обрушении» языковой нормы у молодого поколения преждевременны.

БИЛИНГВИЗМ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ

Иностранцы живут в Петербурге годами, выпускают свою газету «St. Petersburg Times» и выучиваются хорошо говорить по-русски. В Петербурге много культурных учреждений и центров, связанных с европейскими представительствами, где часть работающих – иностранцы, а часть – русские, которые свободно владеют тем или иным европейским языком. Это создает прекрасную возможность изучения правил языкового поведения в дву- и многоязычной среде, в том числе – правил переключения кодов. Одно такое исследование было недавно проведено в Alliance Française – учреждении, пропагандирующем французскую культуру и организующем обучение французскому языку [Бичурина 2008]. В таких достаточно замкнутых, иерархически устроенных коллективах с постоянным составом участников возникают свои правила коммуникации, и в частности свои правила переключения кодов с русского на французский и обратно. В полностью двуязычном коллективе выбор того или иного языка становится мощным ресурсом для выражения тонкостей ролевых и межличностных отношений.

КРЕОЛИСТИКА

Креольских языков и пиджинов на русской основе не так много, и все они активно изучаются в Петербурге. В недавно опубликованной книге Е.В. Перехвальской исследуется вопрос о происхождении китайско-русского пиджина, которым пользовались русские купцы, торговавшие с Китаем в XVIII—XX веках [Перехвальская 2008]. Автор вводит в научный оборот подробное описание дальневосточного варианта сибирского пиджина и, шире, проблематику пиджинов на русской основе, отличающихся от «плантационных» пиджинов (на основе английского, французского, португальского) обстоятельствами возникновения.

Разнообразие лингвистических форм, в которые выливаются языковые контакты, и причудливым вариантам смешения контактирующих языков соответствует сложность субъективной стороны их существования в языковом сознании носителей. Е.В. Головкин, автор ряда работ по проблематике смешанных языков [Головкин 2001а; 2001б; Golovko 2003], описывает язык медновских алеутов не только с чисто лингвистических, но и с социолингвистических позиций, в частности – как ресурс самоидентификации населения Командорских островов.

Цыганский язык российского Северо-Запада, существующий, как и другие цыганские языки, в контакте с более престижным языком, в нашем случае русским, по мнению А.Ю. Русакова [Русаков 2004], сохраняет свою функциональность именно благодаря подпитке от русского языка, т. е. – парадоксальным образом – находит источник укрепления в том, что является средством его разрушения. Пример цыганского доказывает, что прочная связь самоидентификации с родным языком порождает неожиданные виды языковой устойчивости.

При тех спорах, которые ведутся о путях зарождения пиджинов, напрашивается идея экспериментального моделирования ситуации возникновения пиджина, и одна такая попытка отражена в диссертации О. Клоновой [Клонова 2007] по руссенорску (русско-норвежскому пиджину), существовавшему в XVIII–XIX вв. на русском севере, в районе интенсивной русско-норвежской торговли.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЯЗЫКА

Эта традиционная для социолингвистики тема активно разрабатывалась не только в западной, но и в российской социолингвистике (см. упомянутые выше работы коллективов под руководством М.В. Панова, Л.П. Крысина и др.). Магистерская диссертация Д. Ермолина [Ермолин 2008] продолжает традицию описания профессиональных языков, а именно подъязыка нефтяников-вахтовиков, на материале записей и интервью, собранных на действующей нефтяной скважине на Печоре. Интересным частным результатом этого исследования стали результаты ассоциативного эксперимента со словами профессионального жаргона и общего корпуса (литературного) языка, различавшихся только ударением (*добыча–дoбыча, площади–плoщадь, привoды–привoда*, и под.), которые выявили отличия в группировке единиц ментального лексикона у носителей литературного языка (инженеров с высшим образованием) и носителей просторечия (рабочих, механиков). Применение методики ассоциативного эксперимента для получения данных по социальной обусловленности ментального лексикона – задача, стоящая на повестке дня современных социолингвистических исследований.

Продолжением классических исследований Ч. Фергюсона могут считаться две диссертации двух выпускниц кафедры теории языка и затем Европейского университета: исследования языковых регистров, впервые выполненные на русском материале. Работа К.С. Федоровой [Федорова 2002a] посвящена регистру общения с иностранцами (*foreigner talk*), работа Т.О. Гавриловой [Гаврилова 2002] – регистру общения с детьми (*baby talk*). В обеих работах получены интересные и нетривиальные результаты, в обеих реальные фонетические, интонационные, лексические и грамматические характеристики регистров сравниваются со стереотипами этих регистров, существующими в сознании носителей русского языка. В то время как носители языка считают, что с иностранцами нужно говорить «ломаным языком» (*моя твоя понимай*) и уверены, что говорят с иностранцами именно так, в реальности *foreigner talk* носителей русского языка устроен совершенно иначе: никаких неправильных грамматических конструкций в нем нет и в помине. Носители русского языка, в особенности мужчины, уверены, далее, что с детьми, даже маленькими, нельзя сюсюкать, что с ними нужно говорить «как со взрослыми» – однако практически все люди при общении с маленькими детьми переходят на *baby talk*, одной из главных характеристик которого является именно «сюсюкание» (особое произношение согласных). См. также [Гаврилова 2001; Федорова 2002б; Гаврилова, Федорова 2004].

Существует еще один тип кодов, имеющих социальную и культурную специфику, а именно стили общения, обусловленные современными каналами коммуникации. Д. Кристал, выпустивший в 2001 году книгу «*Language and the internet*» [Crystal 2001], определил стихийно складывающиеся стили сетевого общения как новый смешанный устно-письменный стиль речи, при том что изучение устной и письменной речи имело очень разную судьбу в социолингвистической истории языков. При огромном масштабе использования общения в сети то, что сейчас выглядит промежуточным типом кода, смешением признаков, неизбежно разовьется в недалеком будущем в самостоятельный стиль. Естественна популярность смс-кода в качестве тем студенческих работ. Смс-код или редуцированный язык позволяет выявить интересные детали о соотношении инновационного и привычного в новом языковом коде и средствах выражения интонации, столь необходимой в эмоциональном молодежном общении [Вензель 2006].

ВАРИАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Социолингвистика немыслима без исследований в рамках вариационной теории, которую в 1960-е годы в методологически строгом и концептуально законченном виде сформулировал У. Лабов. В американской и западноевропейской социолингвистике интенсивность исследований в рамках этой теории на материале разных языков сегодня

уже пошла на спад. На материале русского языка, однако, подобные работы единичны [Ерофеева 2005]; чаще делаются за рубежом [Kochetov 2006].

В Петербурге сегодня предпринимаются попытки подобных исследований: описание распределения единиц молодежного жаргона в разных социальных срезах среди носителей от 13 до 28 лет в синхронии, и (за счет сравнения материала словарей сленга разных лет и данных анкетирования по использованию лексикона в разные периоды жизни) в диахронии [Иноземцева 2008]. Дополнением к этой работе является сравнение репертуара молодежного жаргона у двух поколений: «детей» (студентов) и их родителей [Мокрова 2008].

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Богатое поле для исследования речевого поведения на материале разных языков и культур представляет собой проверка «теории вежливости» Браун – Левинсона [Brown, Levinson 1999], наиболее методологически строгой и известной на сегодняшний день социолингвистической модели правил межличностного общения. В рамках этой модели, оспаривая или подтверждая ее претензию на универсальность, выполняются исследования как по кросс-культурной, так и внутрикультурной межличностной коммуникации. Несколько исследовательских проектов разрабатываются с опорой на методику CCSARP (Cross-cultural study of realization patterns)⁹, международного проекта по сравнительному исследованию «опасных» речевых актов на материале нескольких европейских языков в их разных культурных вариантах. Так, Е. Аверьянова [Аверьянова 2008] сравнивает реализации речевого акта просьбы в социально значимых ситуациях в русском, английском (в американском и британском культурных вариантах), французском и албанском языках; Н. Новикова оценивает языковые отличия в выражении положительной и отрицательной оценки ученика русским или японским учителем [Новикова 2008]; К. Пак [Пак 2008] анализирует тонкие случаи переключения стилей вежливости в корейском языке для подчеркивания важности сообщаемой информации.

Для русского языка задача описания происходящих сегодня изменений в правилах вежливости весьма актуальна, прежде всего в сфере обслуживания (продавец-покупатель) и в сфере профессиональной «офисной» коммуникации, т. е. при изучении инноваций, связанных с рынком и с заимствованиями «западных» социальных практик. Первые, пока что студенческие работы по этой проблематике только начали появляться [Коркина 2008].

ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ

В этой области можно назвать две работы, значительно разнящиеся по объему и охвату проблемы; однако их сюжеты непосредственно связаны друг с другом. Первая – это книга И.П. Лысаковой [Лысакова 2005] «Язык газеты и типология прессы». Помимо очерка истории советской прессы 1918–2004 годов, автор предлагает социолингвистическую типологическую модель газетного издания, в которой центральное место занимает набор обязательных семантико-стилистических компонентов, квалифицируемый как социопеременные, варьирующий в зависимости от идеологической или политической позиции издания. Вторая – небольшая работа Е. Куличевой [Куличева 2008] по сопоставлению описаний известной истории с переносом памятника бронзовому солдату в русскоязычной и эстоноязычной версиях газеты Postimees.

На фоне аналитических работ по манипулированию языком в идеологических целях и по языку тоталитарных режимов [Вахтин, Головкин 2004: 204–223; Вахтин 2008] эти работы заполняют необходимую базовую позицию – описание газеты, одного из самых массовых средств такого рода.

⁹ См. [Blum-Kulka, Olshtain 1984; Blum-Kulka, House 1989].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В заключение следует упомянуть только что законченную, хотя и еще не опубликованную книгу [Федорова (ред.) (в печати)], которая в каком-то смысле подводит промежуточные итоги некоторых перечисленных выше исследований. Авторы книги уже упоминались выше: это Т.О. Гаврилова, Е.А. Панова, К.С. Федорова, В.В. Баранова. Книга очерчивает все аспекты социолингвистических проблем, возникающих на стыке школы, общества и языка: языковую социализацию, освоение детьми социальных различий в речи; отношение к языку и восприятие ученика по его речи; выбор языка образования; язык школы.

* * *

Пока еще рано подводить итоги первых 15 лет развития социолингвистики в Петербурге: все еще только начинается, и остается лишь надеяться, что будущие работы окажутся не менее интересными, чем уже написанные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова 2008 – *Е. Аверьянова*. Сравнение речевого акта просьбы в русской, английской, французской и албанской лингвокультурах. Дипломная работа. Рукопись. СПбГУ, 2008.
- Аврорин 1975 – *В.А. Аврорин*. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
- Андронов, Лейкума 2006 – *А.В. Андронов, Л. Лейкума*. Латыши и латгальцы Сибири: язык и культура // Балто-славянские исследования. XVII: Сб. научных трудов. М., 2006.
- Баранова 2005 – *В.В. Баранова*. Греки Приазовья: этническое самосознание и язык: Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. СПб., 2005.
- Баранова 2006 – *В.В. Баранова*. Взаимодействие близкородственных языков: урумский и крымско-татарский в поселке Гранитное Донецкой области // *Humaniora: Lingua russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. Тарту, 2006.
- Беликов, Крысин 2001 – *В.И. Беликов, Л.П. Крысин*. Социолингвистика. М., 2001.
- Бичурина 2008 – *Н.М. Бичурина*. К анализу речевого взаимодействия во французских дипломатических службах в Санкт-Петербурге: Дис. ... магистра филологии. Рукопись. СПбГУ, 2008.
- Бичурина, Романова 2006 – *Н.М. Бичурина, А.С. Романова*. Мотивации перехода с албанского языка на русский жителей села Георгиевка Приазовского района Запорожской области (по самоотчетам). Рукопись. СПбГУ, 2006.
- Вахтин 1992 – *Н.Б. Вахтин*. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (предварительные результаты исследования) // ВЯ. 1992. № 4.
- Вахтин 2001 – *Н.Б. Вахтин*. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- Вахтин 2008 – *Н.Б. Вахтин*. Советский «langue de bois» 1930–40-х годов: об одной семиотической особенности (к постановке проблемы) // *W.G. Weststeijn (ed.). The Case of the Avant-Garde*. Amsterdam, 2008.
- Вахтин, Головкин 2004 – *Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин*. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.
- Вахтин, Головкин, Швайцер 2004 – *Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, П. Швайцер*. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самоидентификации. М., 2004.
- Вахтин, Жиронкина, Романова 2006 – *Н. Вахтин, О. Жиронкина, К. Романова*. Калампощаня над долею української мови // Схід-Захід. Вип. 8. 2006.

- Вензель 2006 – С. Вензель. Средства передачи интонации в смс текстах. Дипломная работа. Рукопись. СПбГУ, 2006.
- Викторова 2006 – К.В. Викторова. Языковые изменения в процессе языкового сдвига (на материале малоянисольского диалекта румейского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. СПб., 2006.
- Викторова 2007 – К.В. Викторова. Языковой сдвиг как социолингвистическое явление // Языковые изменения в условиях языкового сдвига СПб., 2007.
- Гаврилова 2001 – Т.О. Гаврилова. Регистр общения с детьми (baby talk): некоторые особенности интонации // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. Вып. 1. СПб., 2001.
- Гаврилова 2002 – Т.О. Гаврилова. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. СПб., 2002.
- Гаврилова, Федорова 2004 – Т.О. Гаврилова, К.С. Федорова. Мнимое сходство и сходная мнимость: регистр общения с иностранцами vs. регистр общения с детьми // А.К. Байбурин (отв. ред.). *Studia Ethnologica*: труды факультета этнологии. СПб., 2004.
- Головко 2001а – Е.В. Головко. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001.
- Головко 2001б – Е.В. Головко. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности // Вестник молодых ученых. Т. 4. Серия: Филол. науки. 2001.
- Гулида 2000 – В.Б. Гулида. Англоязычная социолингвистика сегодня // Язык и речевая деятельность. Ч. 1. 2000. № 2.
- Гулида 2007 – В.Б. Гулида. Англоязычная социолингвистика сегодня // Язык и речевая деятельность. Ч. 2. 2007. № 8.
- Домашнев 2003 – А.И. Домашнев. Национальный (государственный) и официальные языки Люксембурга // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003.
- Ермолин 2008 – Д.С. Ермолин. Единицы общего и профессионального словаря в ментальном лексиконе носителей литературной нормы и просторечия (на материале подъязыка нефтяников): Дис. ... магистра филологии. Рукопись. СПбГУ, 2008.
- Ерофеева 2005 – Е.В. Ерофеева. Вероятностная структура идиомов. Социолингвистический аспект. Пермь, 2005.
- Жирмунский 1968 – В.М. Жирмунский. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. Л., 1968.
- Жиронкина 2007 – О. Жиронкина. Лізла баба по лесниці, упала з драбини: заметки о языковой ситуации на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1 (34) (см. также: <http://www.strana-oz.ru/?ozid=34&oznumber=1>).
- Иноземцева 2008 – М.А. Иноземцева. К вопросу о механизме распространения инноваций: социальный и языковой аспекты. Дипломная работа. СПбГУ, 2008.
- Кіяк 2004 – Т. Кіяк. Как покончить с «бумажным» статусом языка // Зеркало недели. № 31 (506) 7–13 августа. Киев, 2004.
- Клейнер, Светозарова 2006 – Ю.А. Клейнер, Н.Д. Светозарова. Малый язык в большом городе: идиш в Петербурге наших дней // Второй международный симпозиум по полевой лингвистике. Материалы. М., 2006.
- Клонова 2007 – О.Ю. Клонова. Упрощенные языковые системы и формирование пиджина: на материале русско-норвежских языковых контактов: Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. СПбГУ, 2007.
- Коркина 2008 – И. Коркина. Сервисные коммуникативные стили: Дис. ... магистра филологии. Рукопись. СПбГУ, 2008.
- Крысин 1977 – Л.П. Крысин. Язык в современном обществе. М., 1977.
- Куличева 2008 – Е.С. Куличева. Идеологические различия эстонского и русского вариантов политического дискурса: Дис. ... магистра филологии. Рукопись. СПбГУ, 2008.

- Ларин 1928 – *Б.А. Ларин*. О лингвистическом изучении города // Рр. Вып. 3. Л., 1928. (переиздание: *Б.А. Ларин*. Избранные работы. М., 1977).
- Ларин 1931 – *Б.А. Ларин*. Об изучении языка города // Язык и литература. Т. 7. Л., 1931 (переиздание: *Б.А. Ларин*. Избранные работы. М., 1977).
- Лисковец 2002 – *И.В. Лисковец*. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 2. СПб., 2002.
- Лисковец 2006 – *И.В. Лисковец*. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку: Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. СПб., 2006.
- Лысакова 2005 – *И.П. Лысакова*. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005.
- Мокрова 2008 – *Е.И. Мокрова*. Сравнение русскоязычного молодежного жаргона современного и «родительского» поколений. Рукопись. СПбГУ, 2008.
- Никольский 1976 – *Л.Б. Никольский*. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
- НЛ 1972 – Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
- НЛ 1975 – Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.
- Новикова 2008 – *Н. Новикова*. Кросс-культурные отличия в выражении положительной/отрицательной оценки ученика русским и японским учителем. Рукопись. 2008.
- Пак 2008 – *К. Пак*. Категория важности информации как мотив для переключения стиля вежливости в корейском языке. Рукопись. СПбГУ, 2008.
- Панова 2005 – *Е.А. Панова*. Учителя и ученики – люди и роли // Директор школы. 2005. № 4.
- Панова 2006 – *Е.А. Панова*. Иноэтничный ученик в петербургской школе: социолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. СПбГУ, 2006.
- Панова 2008 – *Е.А. Панова*. «Чужой» за школьной партией: представления учителей об этнических различиях // Расизм в языке образования / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2008.
- Панова, Федорова 2006 – *Е.А. Панова, К.С. Федорова*. Иноэтничные дети в петербургской школе: мифы и реальность (по материалам социолингвистического исследования) // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 1.
- Перехвальская 2008 – *Е.В. Перехвальская*. Русские пиджины. СПб., 2008.
- Решетник, Воробьева 2009 – *А. Решетник, О. Воробьева*. Болгары Приазовья: язык и самоидентификация. Рукопись. СПбГУ, 2009.
- Розенцвейг 1972 – *В.Ю. Розенцвейг*. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л., 1972.
- Русаков 2004 – *А.Ю. Русаков*. Интерференция и переключение кодов (северно-русский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): Дис. ... докт. филол. наук. Рукопись. СПб., 2004.
- РЯ 1968 – Русский язык и советское общество: В 4-х кн. / Отв. ред. М.В. Панов. М., 1968.
- РЯМО 1974 – Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.
- Семенов, Юрков 2004 – *В.Е. Семенов, Е.Е. Юрков*. Русская речь в современной России: тенденции развития (по результатам социологического исследования). СПб., 2004.
- СЛИ 1976 – Социально-лингвистические исследования / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 1976.
- СП 1975 – Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.
- Федорова 2002а – *К. Федорова*. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка): Дис.... канд. филол. наук. Рукопись. СПб., 2002.
- Федорова 2002б – *К.С. Федорова*. Лексика в русском регистре общения с иностранцем // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 2. СПб., 2002.
- Федорова (ред.) (в печати) – Язык, общество, школа / Отв. ред. К.С. Федорова (в печати).

- Швейцер 1971 – *А.Д. Швейцер*. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.
- Швейцер, Никольский 1978 – *А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский*. Введение в социоллингвистику. М., 1978.
- ЯИ 2007 – Языковые изменения в условиях языкового сдвига: Сб. статей / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2007.
- Blum-Kulka, Olshtain 1984 – *S. Blum-Kulka, E. Olshtain*. Requests and apologies: A cross-cultural study of realization patterns (CCSARP) // *Applied linguistics*. 5(3). 1984.
- Blum-Kulka, Hause 1989 – *Sh. Blum-Kulka, J. Hause, G. Kasper*. Investigating cross-cultural pragmatics: An introductory overview // *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood, 1989.
- Brown, Levinson 1999 – *P. Brown, S. Levinson*. Politeness: Some universals in language usage // *A. Jaworsky, N. Coupland (eds.)*. The discourse reader. London, 1999.
- Crystal 2001 – *D. Crystal*. Language and the Internet. Cambridge, 2001.
- Fasold 1984 – *R. Fasold*. The sociolinguistics of society. Oxford, 1984.
- Fasold 1990 – *R. Fasold*. The sociolinguistics of language. Oxford, 1990.
- Golovko 2003 – *E. Golovko*. Language contact and group identity: the role of 'folk' linguistic engineering // *Y. Matras, P. Bakker (eds.)*. The mixed language debate. Berlin; New York, 2003.
- Gulida 2006 – *V. Gulida*. Theoretical insights and ideological pressures in early soviet linguistics: The cases of Lev Iakubinskii and Boris Larin // *Sociological theories of language in the USSR, 1917–1938*. Unpublished paper. University of Sheffield, September 2006.
- Gulida 2010 – *V. Gulida*. Sociolinguistics in the Russian Federation, Ukraine, Belarus, Moldova // *M.J. Ball (ed.)*. The Routledge handbook of sociolinguistics around the world. London; New York, 2010.
- Hudson 1980 – *R.A. Hudson*. Sociolinguistics. Cambridge, 1980.
- Kochetov 2006 – *A. Kochetov*. The role of social factors in the dynamics of sound change: a case study of Russian dialect // *Language variation and change*. 2006. № 18. (DOI:10.1017 / S095439450600030).
- Laforest 1999 – *M. Laforest*. Can a sociolinguist venture outside the university? // *Journal of sociolinguistics*. 1999. V. 2.